

С.Я. БУТАЕВА, Э.Р. МЕРКУШЕВА

Уральский университет

КРЕПОСТНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ НА ЗАВОДАХ УРАЛА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Формирование интеллигенции связано со становлением новой, светской культуры. Благодаря материальной базе, созданной в XVIII в. - школам, научным, медицинским, культурным и другим учреждениям, появилась возможность и потребность воспроизводства и функционирования профессиональной интеллигенции.

Новая социальная группа рекрутировалась из всех классов общества. Сословный строй и крепостное право деформировали процесс возникновения буржуазной интеллигенции, вызвали к жизни такое специфическое явление, как крепостная интеллигенция.

Литература, посвященная российской крепостной интеллигенции, обобщена в недавно вышедшей монографии М.Д. Курмачевой¹. Об уральской крепостной интеллигенции написана лишь одна специальная статья еще в 60-е гг.² Попутно этот вопрос разрабатывался в исследованиях по истории общественного движения³, культуры⁴, в биографических изданиях⁵.

В монографии М.Д. Курмачевой неоднократно подчеркивается ошибочность вывода ряда исследователей о значительной роли инициативы дворян в процессе формирования крепостной интеллигенции. "Появление крепостной интеллигенции было результатом внутренних процессов", - пишет автор, выделяя такие факторы, как стремление народа к знаниям и просвещению, изменение его духовного облика вследствие сдвигов в социально-экономическом развитии России⁶. Не оспаривая вышесказанного, отметим, что крепостная интеллигенция складывалась в результате культурных процессов, происходивших как "снизу", так и "сверху". Существовал слой крепостной интеллигенции, который формировался в недрах народной культуры, продолжая и развивая ее традиции. Крестьяне-самоучки проявили себя в общественной мысли, художественном творчестве, изобретательстве. Но, как правило, это был слой непрофессиональной крепостной интеллигенции. Без материальных ресурсов и инициативы дворянства формирование профессиональной занятой крепостной интеллигенции было бы невозможным.

Заводская крепостная интеллигенция Урала была одним из ее профессиональных отрядов, возникших благодаря преобразованиям "сверху"

Статья посвящена лишь некоторым аспектам темы: формированию,

правовому и культурно-бытовому положению. Использованы законодательные источники, делопроизводственные материалы из фондов главных и местных заводских контор, источники личного происхождения.

Уральская горнозаводская промышленность первой половины XIX в. была по форме организации крупной крепостной мануфактурой и находилась в стадии перехода к фабричной технике. Разделение труда в мануфактурном производстве, применявшем машины и механизмы, привело к обособлению труда по управлению, надзору, контролю за механизмами. Заводское многоотраслевое хозяйство предъявляло спрос на управленческие кадры разного уровня, технических специалистов в области горнозаводской механики, металлургии, геологии, лесного и плотинного дела, заводской архитектуры.

Составной частью промышленных переворотов во всех странах была определенная культурная перестройка. В странах Западной Европы она сопровождалась постепенным переходом ко всеобщему начальному образованию⁷, формированием массовой буржуазной интеллигенции. В России эти процессы происходили в более замедленном, деформированном, незавершенном виде.

Именно в крепостных крупных хозяйствах, которые имели возможность существовать вне коммерческого расчета, стал широко применяться труд квалифицированных специалистов, создавались школы для обучения мастеровых. Горнозаводская промышленность была первой отраслью, где возникло низшее и высшее профессиональное образование. Перенимая опыт капиталистического ведения хозяйства, владельцы крепостных мануфактур приспосабливали его к старым, феодальным отношениям. Народное образование становилось лишь частью феодальных гарантий существования крепостных рабочих. Система обучения на заводах развивалась в расчете на прикрепление квалифицированной рабочей силы внеэкономическими методами.

Горнозаводская школа на Урале первоначально, еще в XVIII в., возникла как государственная. Позднее стали появляться и частные учебные заведения, принадлежавшие заводоладельцам. Училища были ориентированы на обучение детей крепостного горнозаводского населения. Сочетая начальную общеобразовательную подготовку с элементарной профессиональной, они готовили канцелярских служащих, специалистов среднего и низшего звена.

В конце 30-х гг. XIX в. горная администрация уральских заводов стала инициатором создания сети учебных заведений, связанных между собой последовательной преемственностью. Этими учебными заведениями стали заводские школы, окружные училища на казенных за-

водах и Уральское горное училище. С 1847 г. на казенных заводах законодательно была признана необходимость всеобщего начального обучения детей мужского пола. Вероятно, в принятии этого закона немаловажную роль сыграли просветительские настроения главы администрации уральских заводов В.А.Глинка, бывшего члена "Союза благоденствия". Не имея под собой реальной основы и не будучи претворенным в жизнь, закон все-таки признавал право рабочего на получение начального образования. Несомненно, горнозаводские учебные заведения сыграли большую роль в распространении грамотности школьным и домашним путем, способствовали вовлечению крепостного населения в процесс социальной мобильности. К середине XIX в. горнозаводские округа в масштабах Урала стали своеобразными "островками" с наиболее высоким уровнем школьного образования⁸.

Выпускники школ имели возможность получить должности "нижних чинов" горного ведомства - административно-хозяйственные, технические, канцелярские, полицейские. Несмотря на крепостное состояние, они по ряду привилегий приравнивались к канцелярским служащим "общей гражданской службы".

Главными социальными привилегиями были следующие: освобождение от бесконтрольного телесного наказания, пенсионное обеспечение, возможность бесплатно обучать детей в заводских школах, перспектива получить первый классный чин по табели о рангах, автоматически исключающий из крепостного сословия. Условиями для получения чина были: примерное поведение, "благонадежная нравственность, надлежащие в деле своею познания". Как писал современник, "из 200 урядников по прослужении от 12 до 20 лет только один может надеяться быть произведенным в классный чин"⁹. "Нижние чины" не имели права выхода в отставку, перехода в другое ведомство до окончания срока обязательной службы.

Были и материальные привилегии: труд служащего оплачивался несколько выше, чем мастерового.

Горная администрация тщательно следила, чтобы комплектование "нижних чинов" ограничивалось собственным воспроизводством. Это обстоятельство способствовало возникновению династий служащих. Не было никаких гарантий обратного движения - в ряды рабочих: права на службу не передавались по наследству.

Служащие составляли ту среду, из которой формировалась крепостная интеллигенция - специалисты творческого умственного труда. Для их подготовки в системе горного ведомства существовали такие учебные заведения, как горная техническая школа при Петербургском

технологическом институте, пробирное училище при Петербургской пробирной палате, Уральское горное училище в Екатеринбурге. Горная техническая школа готовила механиков "к построению разного рода машин". В нее принимались дети унтер-шихтмейстеров (урядников), мастеров, классных и горных чиновников, "рожденных не в дворянстве". Теоретическая подготовка в горной школе была такой же, как и в технологическом институте. Ее выпускники искусственно задерживались в категории техников, так как не могли стать инженерами из-за происхождения.

В пробирное училище принимали "способных детей горных чинов и заводских людей, равно как из всяких свободных состояний". Профессиональным обучением детей "нижних и рабочих чинов" занималось Уральское горное училище.

Специалистов в этом учебном заведении готовили в ограниченном количестве. Так, 3 дореформенных выпуска Уральского училища составляли, по сведениям Н.К.Чупина, всего 46 человек¹⁰.

Крепостных специалистов с высшим образованием на казенных заводах не было. Инженеры и техники отделялись не только уровнем образования, но и сословно. В 1840 г. горной администрацией были собраны сведения об учебных заведениях, имевшихся на частных заводах. По этим данным, действовало 52 училища, относившихся к разряду приходских. В 40-е гг. они перешли в ведение министерства народного просвещения¹¹. В школьном обучении на частных заводах главное внимание уделялось подготовке приказчиков, конторских и учетных работников. Что же касается профессиональных учебных заведений для подготовки технических специалистов, то мы располагаем сведениями о существовании трех подобных школ на частных заводах: горнозаводской и земледельческой школы С.В.Строгановой, школы землемеров Всеволожских и Выйского "высшего" училища, принадлежавшего Демидовым. Две первые школы находились в Петербурге, Выйское училище - на Тагильских заводах.

Учебные заведения Строгановой и Всеволожских были закрыты в 1840-х гг. "по образованию достаточного количества воспитанников". Выйское училище просуществовало до 1862 г. и было преобразовано в Нижнетагильское реальное.

В крупных частных заводских округах использовались крепостные специалисты с высшим образованием. Не имея возможности обучать крепостных в российских высших учебных заведениях, владельцы посылали их за границу.

В списке служащих 1847 г. на заводах Нижнетагильского округа

перечислено 17 должностных лиц, обучавшихся "по технической части" за границей. Крепостные Демидовых посылались в технические институты Дрездена, Лондона, Фрейбурга, Парижа, Стокгольма и др. Обучение дополнялось командировками на горные предприятия стран Западной Европы¹².

Ни в одном другом горнозаводском округе Урала с таким размахом не готовились крепостные специалисты. Наибольшую активность в этом плане проявляли в первой четверти XIX в. Демидовы. Позже на заводы стали приглашать иностранных и отечественных инженеров. Нижнетагильский округ удерживал приоритет в использовании труда квалифицированных специалистов и после реформы 1861 г.

Более типичной для уральской промышленности была подготовка крепостных специалистов в Пермском нераздельном имении Строгановых. Там после окончания приходских училищ подбирались кандидаты для учебы в уездном училище. Владельцу регулярно посылались сведения о происхождении и успеваемости учащихся; отбор происходил на основе "достоинств" родителей и успешной учебы. В 1858 г. Строганов выразил желание "в изъявлении своей признательности высшим должностным лицам в имении" воспитывать за свой счет способных детей в высших специальных учебных заведениях¹³. Так накануне реформы закладывались основы патрональных взаимоотношений с местными служащими, типичные для пореформенного горнозаводского Урала.

Крепостные служащие на частных заводах имели также определенные привилегии в условиях существования, материальном вознаграждении, пенсионном обеспечении, в праве обучать детей. Высшей наградой для них было получение освобождения от крепостной зависимости. Владельцы умело использовали перспективы освобождения, принуждая своих специалистов "верой и правдой" завоевывать эту награду. Политика заводовладельцев была направлена также на то, чтобы воспитать в своих служащих дух отчуждения от остальной массы крепостных, и это им в значительной мере удавалось.

Сложные взаимоотношения были в среде служащих. Главными факторами, которые разлагающе действовали на морально-нравственный климат, было крепостное право и давление официальной идеологии. Обывательские интересы, интриги, зависть, желание выслужиться перед начальством, презрение к тем, кто остался "за порогом" привилегий - все это было обусловлено противоречивым положением крепостного служащего и культивировалось социальной практикой господ. Социальную психологию подобного типа В.И. Ленин называл лакейской. "Лакей ... неминуемо осужден на то, - писал В.И. Ленин, - чтобы ли-

цемерить, поскольку чертой его профессии является соединение интересов барина, которому он "обязался" служить "верой и правдой", с интересами той среды, из которой рекрутируется прислуга... Главные свойства лакея, как социального типа, суть лицемерие и трусость. Именно эти свойства воспитывает лакейская профессия"¹⁴.

Эти черты местных служащих будут давать о себе знать и много позже, после падения крепостного права. Обличителем подобных нравов стал Д.Н.Мамин-Сибиряк, выросший в заводском поселке. Несмотря на разнообразие типов заводских служащих в его произведениях, В.И. Ленин отметил их как отражавшие "особый быт Урала, близкий к дореформенному, с бесправием, темнотой и приниженностью привязанного к заводам населения ... с отсутствием того среднего слоя людей (разночинцев, интеллигенции), который так характерен для капиталистического развития всех стран, не исключая и России"¹⁵.

В сложные обстоятельства попадали представители крепостной интеллигенции, которые отличались от основной массы служащих не только уровнем образования, но и своими духовными запросами, волюнтерством. Конкретная судьба крепостного интеллигента чаще всего зависела не только от владельца заводов, но и от его доверенных. Возможностей для унижений было много, начиная с той должности, которую получал высокообразованный специалист. В списке служащих Нижнетагильских заводов в 1847 г. значились: Андриан Густомесов (окончил Выйскую школу, Петербургский пансионат, далее обучался в Англии) - помощником приказчика, писцом, чертежником, смотрителем заставы; Василий Козицын и Дмитрий Кознов (обучались в Италии) - чертежниками-писцами; Николай Попов - при письмоводстве у директора; Федор Шорин - приказчиком и т.д.¹⁶

Унижения, связанные с невозможностью получить работу в соответствии с уровнем образования, психологическая изоляция часто приводили к трагическим срывам, духовной деградации, пьянству. Врач Нижнетагильских заводов П.В.Рудановский писал о крепостных интеллигентах: "почти все из них сделались сумасшедшими или пьяницами в форме запоя"¹⁷.

В отдельных случаях крепостные служащие поднимались до протестов в различной форме. Не будучи поддержанными массовым движением, такие протесты были малоэффективными, хотя и производили впечатление на сознание мастеровых. Описывая один из эпизодов, когда служащий "бунтовал народ", ругал управляющего, был заподозрен в поджоге, уральская писательница А.Кирпищикова писала: "Все-го удивительнее, что взбунтовавшийся был сын одного из служащих

в заводе, кончивший курс в заводской школе и уже с год прослуживший в правлении"¹⁸. Возмущение выходца из привилегированного слоя горнозаводского населения было до реформы 1861 г. еще необычным явлением.

Ряд раскрытых III отделением политических дел - Николая Сабурова, Андрея Лощманова, Петра Поносова, Якова Кузнецова - свидетельствовал о том, что крепостные заводские служащие на периферии имели доступ к рукописной политической литературе и осваивали политическую культуру своего времени.

Уровень жизни крепостных служащих отличался от жизненного уровня рабочих. Наряду с более высокой оплатой труда, лучшим качеством жилищно-бытовых условий, питания и других его показателей, в структуре потребления служащих возникли новые виды потребностей, связанных с более высоким уровнем культуры: получение образования, здравоохранение, обеспечение культурного досуга. Эти потребности у передовых рабочих Урала появляются лишь в начале XX в. У многих категорий заводских служащих возник значительный разрыв между потребностями и возможностями их удовлетворения, что порождало недовольство своим материальным положением.

Основной доход служащих, дворовых по юридическому статусу, зависел в первую очередь от жалованья не только денежного, но и натурального, а следовательно, от занимаемой должности. Среди этой категории крепостных работников распространяется передача наследства, что связано с определенным накоплением имущества. Духовные завешания, прошения о выдаче увольнительных актов в 1861 г. говорят о том, что основную часть имущества составляло движимое имущество. Из недвижимого имущества наряду с домами (часто передавался наследникам не один, а несколько домов) встречаются приобретенные по купчим записям небольшие участки сенокосной земли. В.Е.Грум-Гржимайло, познакомившись с бытом тагильчан, писал в воспоминаниях: "Слабостью местных служащих было построить себе дом. ... Копит 10 лет и, наконец, осуществляет свою мечту"¹⁹.

Духовные завешания дают чрезвычайно интересный материал для изучения культурно-бытового положения крепостных служащих. В росписи имущества наряду с традиционными для народной среды предметами встречаются предметы, характерные для городского интерьера: диваны, шкафы "под политурой", зеркала, портреты, картины, стеклянная, фарфоровая посуда.

Е.В.Боташева в воспоминаниях так описывает обстановку в доме своего деда Д.П.Шорина, бывшего крепостного Нижнетагильских заво-

дов: "Вверху в маленькой зале висело много картин. В основном хорошие копии крепостных тагильских художников... Стояла фисгармония и в нише большой орган, облицованный красным деревом. На нем мраморные вазы под стеклянными футлярами. Большое собрание гравюр, рисунков, планов, чертежей"²⁰. Не все из описанного было приобретено до освобождения от крепостной зависимости, но известно, что Д.П.Шорин уже в 30-е гг. XIX в. был владельцем хорошего книжного собрания и коллекции живописи.

Служащие выписывали и читали газеты. В.А.Кирпищикова вспоминала, что ее отец - крепостной управитель завода - накануне падения крепостного права выписывал газеты "Сын отечества", "Московские ведомости". "Только и было разговоров и толков, что о войне и политике. Споры по поводу политических соображений доходили до ссор"²¹.

Своеобразие в положении уральских крепостных служащих в том, что во многих заводских поселках они представляли верхушку местного общества. Это накладывало существенный отпечаток на их облик.

Подведем итоги. Крепостная интеллигенция и более широкий слой, из которого она вышла, - крепостные служащие - сформировались в результате культурных преобразований, которые были вызваны промышленным освоением Урала. Горнозаводский Урал - один из немногих районов страны, где правительство и горнозаводская буржуазия оказались заинтересованными в определенном развитии народного образования. Однако оно было настолько включенным в систему феодальных отношений, что становилось своего рода частью феодальных гарантий для узкого слоя крепостных работников. Крепостная интеллигенция, возникавшая таким образом, представляла собой "живое" воплощение приспособления старых отношений к буржуазным, не имела возможностей к саморазвитию. Не случайно среда заводских служащих испытала на себе значительное влияние официальной идеологии, моральных ценностей разлагающегося общества. Но тем не менее и в ней формировались личности, воспринимавшие передовую мораль и идеологию. Поэтому крепостных служащих и интеллигенцию мы рассматриваем в качестве одного из источников формирования демократической разночинной интеллигенции на Урале в пореформенный период.

Более высокий уровень жизни, новые культурно-бытовые потребности служащих способствовали знакомству горнозаводского населения с городскими формами официальной культуры и складыванию новых потребностей в их среде.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ См.: Курмачева М.Д. Крепостная интеллигенция России (вторая половина XVIII – начало XIX века). М., 1983.

² См.: Бажова А.П. Крепостная интеллигенция Урала в первой половине XIX века // Из истории рабочего класса Урала. Пермь, 1961. С.135-150.

³ См.: Горловский М.А., Пятницкий А.Н. Из истории рабочего движения на Урале. Свердловск, 1954; Коган Л.А. Крепостные вольнодумцы (XIX век). М., 1966.

⁴ См.: Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX в.). М., 1971.

⁵ См.: Виргинский В.С. Жизнь и деятельность русских механиков Черепановых. М., 1976; Он же. Фотий Ильич Швецов. М., 1977; Козлов А.Г. Творцы науки и техники на Урале. XVIII – начало XX в. Свердловск, 1981.

⁶ Курмачева М.Д. Крепостная интеллигенция России... С.67.

⁷ См.: Кузьмин М.Н. К проблеме социокультурных предпосылок социализма // Вопросы истории и историографии социалистической культуры. М., 1987. С.38.

⁸ См.: Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е годы XVIII в. – 1861): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1977. С.10-11.

⁹ ГАСО. ф.129. Оп.1. Д.144. Л:71.

¹⁰ Там же. Д.151. Л.1.

¹¹ ЦГИА. ф.37. Оп.5. Д.262. Л.43-47..

¹² ГАСО. ф.643. Оп.1. Д.913.

¹³ ЦГАДА. ф.1278. Оп.2. Д.1576. Л.146.

¹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.39. С.139-141.

¹⁵ Там же. Т.3. С.448.

¹⁶ ГАСО. ф.643. Оп.1. Д.913.

¹⁷ Рудановский П.В. Письма из Тагила: Письмо первое // Современ. медицина. 1863, № 5. С.2.

¹⁸ Кирпищикова А. Прошлое: Из записок управительской дочери // Отеч. зап. 1876. № 12. С.345.

¹⁹ Грум-Гржимайло В.Е. Недавнее, но безвозвратно ушедшее прошлое: // Отд. рукописей Свердл. ист.-рев. музея. 1964. Н-51. Л.99.

²⁰ Отд. рукописей Нижнетагил. ист.-рев. музея. ф.5. Оп.7. Д.19. Л.8.

²¹ Кирпищикова А. Прошлое... С.370.

СОКРАЩЕНИЯ

АЕ	- Археографический ежегодник
АИ	- Акты исторические
АКА	- Архив кабинета археологии
Арх. ЛОИИ	- Архив Ленинградского отделения Института истории СССР Академии наук СССР
БСЭ	- Большая Советская Энциклопедия
ВИ	- Вопросы истории
ВМЧ	- Великие Минеи Четыи
ГАКО	- Государственный архив Кировской области
ГАПО	- Государственный архив Пермской области
ГАСО	- Государственный архив Свердловской области
ГАТО	- Государственный архив Тюменской области
ГБЛ	- Государственная библиотека СССР им. В.И.Ленина (Москва)
ГИМ	- Государственный исторический музей (Москва)
Голенченко VI	- Голенченко Г.Я., Непорожная Т.В., Радевич Т.К. Книга Белоруссии. 1517-1917. Сводный каталог. Минск, 1986.
ГПБ	- Государственная публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (Ленинград)
ДАИ	- Дополнения к Актам историческим
ДРВ	- Древняя Российская Вивлиофика
Зернова	- Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI-XVII вв. Сводный каталог. М., 1958.
ИИФиф	- Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР (Новосибирск)
ИРЛИ	- Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР (Ленинград)
КАЭ	- Камская археологическая экспедиция
Клепиков I	- Клепиков С.А. Филигрании и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII-XX веков. М., 1959.
Клепиков II	- Клепиков С.А. Филигрании на бумаге Русского производства XVIII - начала XX века. М., 1978.
ЛО ААН	- Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР
ПДП	- Памятники древней письменности

ПДПИ	- Памятники древней письменности и искусства
ПСЗ	- Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ	- Полное собрание русских летописей
РГО	- Русское географическое общество
ТИАМЭ	- Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник
ТОДРЛ	- Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР
ТОКМ	- Тюменский областной краеведческий музей
ТФ ГАО	- Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области
УрГУ	- Уральский государственный университет (Свердловск)
ЦГАДА	- Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва)
ЦГАЛИ	- Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва)
ЦГА УдмАССР	- Центральный государственный архив Удмуртской АССР (Ижевск)
ЦГИА	- Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград)
ЧОИДР	- Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
ШФ ГАКО	- Шадринский филиал Государственного архива Курганской области